

К итогам Социологического конгресса

© 1995 г.

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

ВИФЛЕЕМСКИЕ ЗВЕЗДЫ «ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — доцент социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Наш постоянный автор

Летом 1994 г. мне довелось принимать участие в XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде (Германия). Эти грандиозные съезды социологов, происходящие раз в четыре года, как бы обозначают собой не только новый рубеж в развитии нашей дисциплины, но и, если угодно, этап в самопознании человечества. Хоть это и звучит высокопарно, но, по сути, верно. Ведь как-никак, социология — наука всех социальных наук. Кто будет с этим спорить?

Оставим в стороне сугубо профессиональные детали и нюансы. Речь о другом — об общем впечатлении, скорее даже ощущении, возникшем в ходе конгресса и сохраняющемся поныне. Кратко оно выглядит так.

Революция, которую мы не заметили

Первое и главное. В мире на наших глазах возникла и укрепилась новая идеология (именно так!). Она открыто заявляет о своей монополии на все формы духовной деятельности, включая и социальные науки. Называется она мудрено — «постмодернизм», чаще, однако, говорят о «глобализации», хотя это и не во всем равнозначные понятия. Весь конгресс с его 4 тысячами участников и не менее тысячи докладов превратился в бесконечное тасование этих двух понятий и их производных. О чем же шла речь? Приблизительно схема выглядела следующим образом.

После падения государственного коммунизма и советского марксизма вся цивилизация трансформировалась в систему всего лишь с одним центром — Америкой, точнее, Соединенными Штатами. Дело, однако, не только в геополитической ситуации (хотя и в ней тоже). Утверждают: победа США не есть только победа экономическая и политическая, это победа, если угодно, философская, цивилизационная, глобальная. Отныне весь мир будет строить свою жизнь по единым меркам, лишь слегка варьирующим то, что мы видим сегодня в США. Это и рыночная экономика, и либерально-демократические институты, и коммерциализированная культура, и все остальное. Вот этот процесс постепенного, а когда и спорадического распространения новой цивилизации и называется «глобализацией». Что же он нам всем обещает?

Прежде всего радикальное, даже революционное изменение нашего сознания. Звучит это слишком общо и не слишком понятно. На практике же оказывается, что мы все вскоре должны отказаться от таких понятий, как, например, национальное государство. Не будет никаких государств, а воцаряется нечто общее — единая семья, «плавильный котел» теперь уже в масштабах всей земли, состоящий из наиболее энергичных элементов всех ныне существующих народов. Говорят: в современном мире с его объединительными тенденциями (единая Европа, НАФТА и проч.) нет места отдельным государствам с их национальной идентичностью, национальным сознанием, своей экономикой, культурой. Границы становятся иллюзорными, все национальные структуры — прозрачными и вторичными. Всюду транснациональные компании, телекоммуникации, преодолевающие границы и континенты, свобода передвижения... «Гражданин Европы», «гражданин Америки», наконец «гражданин мира». Что же касается таких понятий, как «родина», «национальные традиции», «местные культуры», то все они представляют собой старые принципы — уходящие со сцены, явно рудиментарные. К числу последних относятся и, конечно, же, идеи справедливости, равенства, духовного прогресса в рамках веко-

вых традиций человечества. А на смену им идут аморфные и мозаично-фрагментарные запросы глобальной цивилизации с ее особой логикой, отличной от нашей, но с одним главнейшим требованием стабильности. Стабильность любой ценой, без разбора средств и действующих лиц. При этом глобальное общество — это отнюдь не благостное единение всех и вся во имя процветания каждого. Отнюдь. За наукообразной риторикой глобалистов то и дело проглядывает жесткая интонация: новое общество примет только тех, кто наиболее приспособлен к его требованиям, кто обладает «новым сознанием».

Короче, меняется сама структура всего нашего восприятия мира. Плохое и хорошее, справедливое и несправедливое, нравственное и безнравственное, как мы их понимаем в системе старых координат, уже не имеют большого смысла. Грядет новая всеохватная система

«Чистые» и «нечистые»

На все недоуменные и традиционные вопросы тех, кто не очень прочувствовал это обновление, постмодернисты отвечают со всепонимающей и немного ироничной улыбкой: «Вы задаете вопрос, исходя из прошлых представлений. А следует опираться только на новое видение мира. Вам надо произвести полный отказ... Именно полнейший отказ от всего прошлого. Это и есть грядущий день цивилизации».

В глобальной цивилизации, в отличие от предыдущей (то есть нынешней), не будет особого акцента на материальные блага и потребление, ибо рубеж перенасыщения на Западе перейден. Дальше уже некуда — идет самоотравление. Кажется, звучит вполне здраво. Однако вскоре оказывается, что это подразумевает всего лишь консервацию существующего баланса бедных и богатых стран и регионов. Кто успел в силу различных причин выйти на уровень сверхпотребления, пусть там и остается. Не идти же вспять! А кто не успел — пусть не алкает и не стремится туда, куда ему все равно вход теперь заказан навсегда, ибо надо думать не о потреблении, а об интересах человечества. В конце концов, остальной мир в принципе не может подняться до уровня потребления в США — ресурсов явно не хватит.

Примечательно, что никаких вопросов глобалистам задавать нельзя. У них уже сформировалось свое тесно спаянное сообщество идеологов со своим языком и своими структурами — они прекрасно понимают друг друга с полуслова. Всех остальных считают в лучшем случае просто непосвященными.

И о многом еще говорили на конгрессе в связи с глобализацией и постмодернизмом. Точнее, это была главная тема, вокруг которой вращались все дискуссии и к которой рано или поздно приходили все вовлеченные в эти дискуссии участники конгресса. Порой казалось, что теория глобализации давно уже принята всеми современными социологами, прочно вошла в их лексикон и стиль мышления, и речь идет лишь о применении ее к различным областям исследований. Несмотря на такое единодушие, общая картина, не знаю уж почему, складывается не очень радостная. Словно замышляется какое-то большое... «общезитие», в котором, однако, все койки строго распределены.

Нет такой страны!

Теперь о России.

Признаться, я был несказанно удивлен тем, как хирургически искусно «русский вопрос» был практически выведен за скобки теоретических дискуссий на этом конгрессе. Нет такой страны Россия и даже СНГ. Понимаете, нет, и все тут! Ни один из главных докладчиков — мировых социологических светил, — подрбнейшим и интеллигентнейшим образом не анализировал глобализацию, даже не упомянул наш родной регион. Как будто этого региона просто не существует на карте современной стратегической социологии. Так, какая-то "московия". Справедливости ради надо отметить, что на главных симпозиумах конгресса прозвучали весьма яркие доклады В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова, во многом посвященные социальной ситуации в России. На мой взгляд, эти принципиальные выступления не были поняты во всей их сложности и значимости. Конгресс упорно не желал реагировать на русскую тему. А, быть может, все объяснялось проще.

Современная Россия, на взгляд глобалистов, не несет в себе никакого позитивного потенциала утверждения обсуждаемой теории. Она словно не укладывается в нее. Наличные тенденции глобализации в России отнюдь не самоочевидны, тогда как мощнейший шлейф всякого рода социальных проблем и дивиаций выглядит не слишком привлекательно для гигиенически чистого глобального сообщества.

Правда, на одном из заседаний конгресса все-таки «прорвался» русский вопрос в западном исполнении. Известный социологический мэтр заявил (цитирую): «Поскольку Советский Союз потерпел сокрушительное поражение сродни поражению Германии во второй мировой войне, то сейчас мы должны использовать в России разработанные американскими социологами и в частности Толкоттом Парсонсом методы денацификации, примененные Соединенными Штатами в Германии в 1945 г.» Но это был, можно сказать, случайный прорыв в «несуществующую» область теоретических дискуссий.

Вообще все это любопытно выглядело. Даже как-то нелогично. Можно как угодно относиться к России, СНГ или «бывшему Советскому Союзу», но так, чтобы проигнорировать всю «одну шестую» — это уж чрезмерно. Но, оказывается, можно — и не только в политике, но и в области социологической теории тоже. Что и было продемонстрировано. Модус умолчания в чистом его виде.

(Для полноты картины скажу, что и Китай в этих стратегических выкладках не фигурировал. Западная Европа — да, США, конечно, и немного Японии. И совсем уж «в проброс» страны АСЕАН — вот, пожалуй, и весь круг и званных, и избранных. Остальные, как придется. Смотря по обстоятельствам и по поведению. Такая вот сложилась в моем представлении комбинация на сегодня, а, возможно и на десятилетия вперед.)

Впрочем, своя логика во всем этом была. Между строк и умолчаний можно было прочесть следующее.

В новой глобальной цивилизации нынешнюю Россию никто не ожидает. Сможет она найти свое приставное место в хоре хвалителей постмодернизма — тогда и будут с ней говорить, а нет — деликатная, но изоляция будет укрепляться и углубляться. Выдвигается и условие участия России в «хоре», впрочем, нигде прямо не формулируемое. Оно предельно просто. Назовем его — «Великий Отказ». Что это значит? Полный отказ от «старого» сознания, «старой» культуры, «старых» традиций, «старой» интеллигенции, «старых» границ и т.д. Генеральная немедленная чистка всего и вся. И даже не чистка, а переселение на новую квартиру, при котором весь старый скарб без разбора выбрасывается за ненадобностью на помойку. И только так!

Никаких комментариев я не даю. Просто констатирую факты. Любопытно и то, что новую идеологию с воодушевлением развивают не только какие-нибудь ангажированные политики, а именно социологи, то есть самая что ни на есть просвещенная часть современных трезво-мыслящих интеллектуалов. Причем первейшие лица на социологическом Олимпе. У нас в университетах студенты сдают экзамены по их книгам. При этом поражает единомыслие олимпийцев. Далекие от консенсуса по всем вопросам, они монолитны в своем видении глобальной цивилизации. Несогласных либо нет, либо они вежливо отмалчиваются. Право, есть о чем задуматься.

За первопроходцами постмодернизма и глобализации идут представители социологической инфраструктуры, прежде всего издательства. Как и положено на подобных конгрессах, фойе зала заседаний было переполнено прилавками с книжной продукцией всех ведущих издательств. Просматривая выставленные книги и каталоги, я вскоре поймал себя на мысли, что удивительная настойчивость, с которой в подавляющем большинстве новых названий присутствовали слова «глобализация» и «постмодернизм», неожиданно напомнили мне что-то знакомое. Нет, не сами эти термины, а именно та нарочитая упорность их внедрения. Ну, да конечно же, в 70—80-е годы точно также в каждом названии книг по социологии наши отечественные редакторы «воленс-ноленс» вписывали «развитой социализм», и всякая тема неизменно сопрягалась именно с ним. Что ж, некоторые явления в мире идей имеют сходный модус существования.

Теперь же, после столь пространного вступления, предлагаю несколько сменить тему, которая для меня отнюдь не случайна, как не случайна она и в контексте обсуждения глобализации.

Глобализация по-русски

России, казалось бы, сейчас не до глобализации. Она не интегрируется, а активно дезинтегрируется. Правда, некоторые современные авторы утверждают, что наметился и противоположный процесс, но это, скорее, желаемое, нежели действительное положение дел. Господствуют центробежные тенденции и сугубо частный интерес во всем, а не тенденции солидарности, которые, собственно говоря, и оставляют основу единого общества.

Все разбегаются по национальным углам, по частным квартирам, по дачным участкам, по своим маленьким (или большим) делянкам, из коих извлекают хоть мало-мальскую прибыль.

Называется это на социологическом языке «Атомизацией», то есть расщеплением целого на фрагментики и частицы, что имеет место во всех без исключения существующих структурах. И все это происходит на фоне укрепления нашей особой, новой российской идеологии. Последнее весьма примечательно.

Раскрывается она просто, с помощью старого лозунга «Обогащайся!» — любимыми способами (сейчас все разрешено), немедленно, без страха и упрека. Это и цель, и принцип, и моральная ценность, и индульгенция на случай остаточных угрызений совести. Ведь так поступают все и даже гордятся, а то и кичатся этим. Жить скромно считается отныне неприличным, зазорным. В самом деле, «если ты умный, отчего же ты тогда бедный?»

У нас ныне преобладает не то что полное, а буквально повальное опьянение коммерцией. Любой. Всякая брезгливость давно отброшена. Речь притом идет не столько о бизнесе как таковом, сколько о философии и о морали новой России в целом. Именно «в целом».

Если суммировать происходящее, то можно сказать: тот, кто не занимается коммерцией, не богатеет, не интересуется всеми этими «куплями-продажами», тот, собственно говоря, в качестве значимого человека вообще не рассматривается. Не рассматривается никем — ни своей собственной семьей, ни друзьями, ни соседями, ни самим государством. Некоммерческий человек — никчемный человек и даже не человек вообще. Такой вот духовный феномен стремительно набирает темп и прямо-таки устанавливает свою тотальную диктатуру. Некоммерческая личность неуважаема, она загнана в подполье, в бедность, в созерцание собственной ушербности, короче, в полнейшее социальное небытие.

Иногда думается, как бы было хорошо, если бы нашелся хотя бы один авторитетный американец, который бы растолковал нашим согражданам, что в самой-то Америке нет никакого единогласия по поводу богатства, стяжательства и всего прочего. Или пусть бы этот гипотетический американец высказал вполне самоочевидную для Америки мысль, например, такую. Коммерция — лишь одна из очень многих существующих в обществе форм деятельности, причем жизненно зависимая от всех остальных занятий и профессий. И никакого первородства у нее нет. Сказал бы он, что в самой капиталистической из всех капиталистических стран, в Соединенных Штатах, бизнесмены — люди хотя, естественно, и уважаемые, но не исключительно уважаемые, поскольку там всех в известной мере чтут. По моим наблюдениям, в Америке предприниматели во многом обладают комплексом социальной скромности, то есть вовсе не подают себя столпами нации, как правило держатся несколько в тени и на глаза обществу не лезут. И вообще все серьезные американские «капиталисты» демонстративно почтительно относятся к науке, культуре, подчеркивая этим, что не все в мире исчерпывается бизнесом, и что есть области, где господствуют иные ценности, ничуть не менее важные.

Мог бы сказать наш умный американец еще и то, что не кто иной, как великий американский мыслитель Генри Дэвид Торо в годы самой неумной капиталистической гонки в США поставил под большое сомнение ценность коммерции и собственности, особенно на землю. И очень многие в Америке соглашались прежде и соглашались с ним в наши дни. Недаром он — одна из самых крупных личностей в истории американской культуры. И не он один из числа тех, кто призывал быть очень осторожным с гонкой за успехом и потреблением.

Порой кажется мне, что Америка, давно уже получив собственный урок повальной коммерциализации и переболев всяческими болезнями капитализма, ставит над нами эксперимент — не буквально, конечно, но по сути. (А, может, и буквально). Прививает она всем нам все эти

болезни и смотрит со стороны сквозь лабораторное стекло: что с «ними», то есть с нами получится. А получается то, что болезни прививаются и полной своей мере, и организм болен не на шутку, а трагически всерьез. И никакого иммунитета не вырабатывается. Не знаю, возможно ли такое в медицине, а с точки зрения социологии именно так, кажется, и получается. Есть в этой «прививке» и немалый элемент учительской назидательности: «Не хотели, как мы; думали, по своему особому пути нас обогнать; заставляли нас бомбоубежища строить и дрожать от страха; так вот теперь и попляшите!» Мы и пляшем...

Гибридные герои нашего времени

Чему же удивляться, что у нас прямо-таки вакханалия бизнеса и лихорадка коммерции. Телевидение, радио, газеты полнятся и переполняются через край панегириками в адрес этих самых российских бизнесменов. Теперь они — наши маяки и нравственные образцы. Не важно какой бизнесмен, полуграмотный (пусть хоть «хочите») и «ихний» через каждое слово говорит), явно с эзковским прошлым и с сильным мафиозным уклоном в настоящем, но он непременно вещает на всю страну как новый Учитель, «гуру» российской идеологии. Нет, чтобы спокойно

умножать свой капитал, так нет — он уже «философствует». И при этом, знаете, какой ныне самый модный тезис? Прелюбопытнейший! «Чем больше в России богатых, тем лучше живет все общество». Вот так. И произносится это как истина в последней инстанции.

Кто и как обучил нашего бизнесмена этой хитрой формуле, не знаю. Но нутром чувствую, работа была проведена серьезная. Вспоминаются знакомая рука и стиль Отдела пропаганды ЦК КПСС, но с полярно обратной направленностью. Слова-то другие, но стиль во всем тот же самый, со Старой площади — хорошо скоординированный, выправленный, гладкий.

Говорят так. (Притом говорят уверенно, авторитетно.) Мол, чем больше растет и укрепляется класс сверхбогатых капиталодержателей, тем обильнее будет «навар» и всему простому народу. Действительно, в Америке это порою имеет место. У нас же, все эти наши «новые русские» (за очень редкими исключениями, которые замечательны в личном отношении, но социологической тенденции, увы, не составляют) не то что «куска», даже крошки со стола не дают ни образованию, ни искусству, ни науке, ни медицине, ни... впрочем, что толку перечислять.

«Новые русские» предприниматели взирают на все эти сферы с каким-то диким непониманием: зачем все это нужно? кому? блаженным неумехам? Впрочем, последнее время они даже «не взирают» — они смотрят «сквозь». Нет такого понятия как культура. Есть «шоу-бизнес», есть «казино», есть «круизы», есть «видеоклипы», «реклама», «тусовки эстрадных звезд», «презентации». Особенно характерны последнее понятие и социальные феномены, с ним связанные.

Еще Джордж Герберт Мид выдвинул принцип, согласно которому человеческое Я «представляет» себя — *presenting of the self*. Иными словами, внутренняя *самость* человека облекает себя в некие формы поведения, выражающие общественные ожидания, дабы заявить о себе на общедоступном языке. Что ж, этот принцип прочно вошел в современную интеракционистскую социологию. Но тут есть один важный нюанс. Мид подразумевал, что «презентирующее» Я обладает еще и внутренним Я (I) — устойчивой, стабильной, саморефлектирующей основой самоидентичности человека. А вот этой основы в современных культурных феноменах в России и их носителях совершенно не наблюдается. Остались одни «презентации», а развитого социального Я нет. То есть осталась одна форма, оболочка... без содержания.

На современной социальной сцене доминируют, мягко выражаясь, странные гибриды культуры, состоящие из «самопрезентирующих» оболочек, лишенных содержания. Как каждый гибрид, составленный из искусственной комбинации различных качеств, они обладают яркостью, активностью, броскостью, но при этом легко мутируют, вырождаясь в дегенеративные явления, с крайне небольшим сроком полураспада. Причем указанная гибридизация охватила не только культуру, но и сферу политики, и экономику.

Посмотришь на многие окружающие явления, вроде бы оболочка («упаковка») привлекательная и подчас даже отвечающая мировым стандартам (это к вопросу о глобализации) — «все как в приличном мировом обществе». Но внутри — полнейшая мутация.

Как бы то ни было, на эти ублюдочные гибриды спонсорские деньги кидаются лихо, с избытком — с таким избытком, о каком в Америке и не слыхивали. А что касается настоящей, полноценной культуры, то на нее смотрят именно «сквозь». Гибнут научные школы и институты («туда им и дорога, тоже мне ученые!»), деградируют до состояния неприличия университеты («отправим своих детей учиться в Америку»), нет такой художественной литературы («а мне что, детективы больше нравятся»), нет полноценного кинематографа («подумаешь, зато у меня дома видео с четырьмя головками "Базовый инстинкт" крутит»)... И все в том же духе. Вот такие они, «новые» меценаты. Повторяю, не все, но большинство.

Под боком у новых «деревенек», сплошь состоящих из гигантских каменных особняков (столь же гибридных по своему архитектурному стилю), гибнут в нищете детские дома и закрываются один за одним летние детские лагеря. «Ни звука, мой друг. О, ни слова» не раздастся из окон этих мавзольсеподобных особняков. И при этом бесконечное, надоедливое, «вязкое» полуграмотное и косноязычное философствование о всемирно-исторической миссии российского бизнеса. И так, и эдак мусолят одну и ту же колоду. А то порой и «глобализм» промелькнет. Даже любопытно.

Недавно Российское телевидение в сотый раз подобострастно допрашивало очередного нашего крупного банкира-интеллектуала. Собравшиеся журналисты и так, и сяк его подбадривали своими вопросами и выставляли напоказ его образцовые гражданские и личные добродетели. И жить ему тяжело, и работает он по шестнадцать часов в сутки, и о России только и радеет. Прямо икона.

В конце передачи одна особенно «честная и правильная» журналистка (такая, знаете ли, правдоискательница и радетельница за истину) задала ему вопрос: мол, что ему, банкиру, при

всех его несметных богатствах и неограниченных возможностях все же в жизни заказано, недоступно, какой рубеж не преодолен? Серьезная тема. Так все-таки — что?

Оказывается, у него что-то там с желудком хроническое, и он не может попробовать всех деликатесов, на которые его кошелек способен. И так он это сказал мило, со скромной извиняющейся улыбкой, по-домашнему. Мне и самому его стало жалко. Ну а уж в самом конце он, глядя в объектив телекамеры праведным взором, снова о том, же: чем нам, банкирам лучше живется, тем и вам, всем остальным, тоже будет лучше. Знакомая отбойная формула.

И часто, услышав очередные радио- или телевизионные заклинания «новых русских», думаю: «Ну зачем они нас, "старых русских", так упорно гипнотизируют своими задушевно-приторными сентенциями о том, что их богатство — это наше счастье, радость и благополучие? Помилуйте, господа "новые русские", не тратьте на нас свое красноречие, ведь вы и так очень устаете. Поберегите свои силы. Повторяю, не объясняйте, наши благодетели, как нам хорошо оттого, что вы множите свои валютные миллионы. В конце концов, от нас ничего не зависит. Не мы же вас отстреливаем, а вы — друг друга. Не мы похищаем ваших детей и не мы требуем от вас баснословных взяток. Да и оправдываться перед нами, поверьте, нет резона. Прошли те времена, когда мы радостно уповали на вас, вспоминая великих российских меценатов. Теперь все встало на свои места. Ныне мы уже не удивляемся, что ваши миллионы "проскальзывают" по России и уносятся, Бог знает куда, не оставляя даже следа на поверхности нашего общества. Ну, да, конечно, политическая нестабильность, нет гарантий инвестициям и т.д. Еще одна серия отбойных формул. Вы, действительно, новые русские в полном смысле этого слова, без кавычек. И мы, пробудившись от сладких сновидений, от вас давно уже ничего не ждем. Успокойтесь же, наконец, Все нынче, наконец, упростилось, все успокоилось, "гражданское согласие" восторжествовало. Мы осознали и приняли как данность то, что у нас теперь две России. И одна с другой не сообщаются. Ваша Россия вполне "глобализуется", как положено. Наша Россия... да о ней толком-то и сказать нечего. Выживает и только. Эка невидаль! Сомали выживает, Эфиопия тоже, ну и мы заодно. Время работает на вас. Двери в светлое будущее открыты. Примите мои поздравления».

Вот он повсюду, «глобальный» герой нашего времени, новый россиянин-гибрид. Быть может, этот невидимый, но присутствующий «за кадром» Отдел пропаганды и в самом деле прав, быть может, нам такие люди — ко всему приспособленные, не задающие лишних вопросов, совершенно однозначные — и нужны для «глобализации»?

И кто вообще сказал, что постмодернистский человек-гражданин мира должен быть херувимом с головой Гегеля, талантами Микеланджело, сердцем Данко? Совсем не обязательно. Коль уж мы отказались от всех и всяческих ценностей и прежних представлений, то вполне возможно, что диковатый «новый русский» и есть тот самый «глобальный» человек завтрашнего дня. А почему, собственно говоря, и нет? Впрочем, не знаю. Только вспомню при этом о совсем не «глобальных» Чехове, Бунине, Пастернаке, представлю их в своем воображении сидящими перед экраном с изображением эдакого скромника-миллионера, и как-то не по себе становится. Именно не по себе...

А если без сантиментов, то, по моим наблюдениям, ситуация выглядит примерно так.

Чем больше богатеют русские нувориши из числа коммерсантов и покрывающих их чиновников (еще одна категория законодателей духовных мод в обществе), тем они... больше богатеют. Нет и не может быть предела насыщению. И не будет, не ждите. Точка. И все. Нет, правда, есть одна деталь. Какая? А то, что все остальное общество, не входящее в пресловутые верхние 10%, все ниже и ниже опускаются на колени. Кто от внутренней беспомощности молится на новых идолов, кто плачет от унижения, кто погружается в воспоминания. Но вперед никто не смотрит. С коленей это плохо получается! Какая уж тут «глобализация»? В отношении чего «глобализироваться»?

Теперь, когда я часто слышу, что в России, мол, нет идеологии и что просто необходимо, чтобы она была для нашего общего блага и единения нации, я думаю: «Как этот нет идеологии? Уже давно есть. Просто нам страшно от того, что мы сами породили. Но мы теперь боимся в этом даже самим себе признаться и внутренне застыли в ожидании нового мессии. А он уже давно среди нас».

Второе крещение Руси

И еще один прелюбопытнейший феномен из числа входящих в нашу новую идеологию. Это — возрождение православия в России, ее как бы второе крещение.

Спору нет, христианство — явление сакральное, интимное для каждого и обсуждению всеу не подлежащее. Но при всем том, сдается мне, что одной из главнейших заповедей Нового

завета было осуждение и богатства и, главным образом, стяжательства. Не так ли? Правда, на Западе произвели великую Реформацию, и, согласно получившейся протестантской этике, богатство и труд, труд и богатство как бы освящались и становились благами. Ну, пусть так. Но ведь в России никто этой реформации не производил, и наше православие живет в системе координат переформированных, тех самых, согласно которым и из храма кое-кого изгоняли, и кое-кому труднее в Царство Божие войти, чем верблюду в игольное ушко... Понятия, как известно, хрестоматийные.

Так вот, у нас православие и православная церковь стали совершенно государственными. Не по Конституции, конечно, но по жизни. Впрочем, «по жизни» именно так, как ее понимает государство.

Как раньше вся молодежь была в пионерских галстуках и комсомольских значках, так и теперь она в нательных крестах, выставляемых напоказ. Теперь духовенство словно политуки рот в армии — при каждом деле, при каждом начинании, всегда на первом плане. По большим святым праздникам власти предрержащие умильно службу посещают в Елоховском. Смирненно крестятся, свечки зажигают, к руке патриарха прикладываются. И это все по телевидению показывают тоже с соответствующим умилением. Да разве в этом суть!

Суть в том, что породить в нашей ситуации православие со стяжательством, хоть в масштабах прихода, хоть всего государства (что и делается методично и постоянно), означает произвести не второе крещение Руси, а вторую после 1917 г. «атеизацию» народа. Ведь прежде мы жили фактически и без веры, и без церкви, но с ожиданием веры и надеждой на нее. Теперь

же и этого ожидания нет, ибо наш реально действующий (а не церковный) пастырь — это сытый стяжатель с нательным золотеньким крестиком.

Вот такая новая идеология. Странная. Гибридная. Недостроенная какая-то. Как всегда, все наоборот. Перевернутый мир да и только.

В мире декораций

Если уж говорить о православии, то само собой, речь заходит о восстановлении Храма Христа Спасителя. В самом этом акте, столь рьяно отстаиваемом властями, много, отражается го того, что выходит за рамки чисто церковные.

Действительно, казалось бы, самое праведное дело возродить разрушенный храм, некогда сооруженный на народные деньги и варварски разрушенный во времена не столь далекие. Но во всей этой кампании — в ее неумности, напористости, даже агрессивности — проглядывают мотивы, весьма далекие от христианских. Все это из какой-то другой сферы. Совершение другой! Порой кажется, что создается грандиозная декорация («презентация»), призванная нечто прикрывать. А быть может, и прикрывать-то нечего; за декорацией — пустота, по крайней мере, духовная. О других мотивах судить не берусь.

Посмотрите, как быстро наполнилась наша жизнь циклопическими проектами. «Мегаполис Москва—Петербург»; проект «Москва-Сити» со стозажными небоскребами; невиданные подземные города под центром Москвы; самый большой в мире Диснейленд да еще и под куполом климатрона; карнавалы, шествующие по улицам города на манер бразильских. Постоянно перекрашивающиеся фасады домов по главным улицам. Усердная «витринизация» центров крупных городов. Постоянное публичное гурманство (а то и эвдемоническое обжорство), на полном серьезе показываемое по телевидению и живописуемое в журналах. Есть такое известное выражение в английском — «show case», то есть «напоказ», для фасада. Это выражение, пожалуй, более всего и подходит для столь, на первый взгляд, разнородных феноменов.

Во всем этом, казалось бы, в принципе, нет ничего плохого, если бы... Если бы за всем этим стояли реальные, достижения материальной и духовной культуры. Но этих достижений пока нет. Но карнавализация жизни и ее витринизация идут невиданными темпами. Все это тоже прелюбопытнейший гибрид нашего времени, составляющий новую идеологию.

Наш отечественный «неопозитивизм»

Но идеология есть идеология. Это мы хорошо усвоили из прежней нашей эпохи. Что ни говорите, с ней шутки плохи. Тот, кто «не вписывается» в предлагаемую парадигму, то выбрасывается на вираже без разговоров.

Сейчас у нас что-либо сказать в духе пусть и осовремененного Генри Торо просто невозможно. Даже для разнообразия, для пущего плюрализма. Не поймут, не оценят, избыток саркастической иронией, мол, не понимает господин требований дня, отстал от современности,

застрял в «модернизме», а надо бы уже жить в «постмодернизме». Смешно все это. И грустно тоже. Грустно от того, что очередная идеологическая мешанина (а быть может, и взвешенная смесь) из русской наивности, привычек, идеализма и злого частного интереса в очередной раз возобладала над разумом и даже элементарным здравым смыслом.

Возникли и новые образцы того, как следует мыслить, особенно вслух и на публике. (Это в продолжение вопроса об идеологии и Отделе пропаганды.) Высшая добродетель ныне — это умение не задавать вопросы ни о чем серьезном. Так, по пустякам, пожалуйста. Кто из актеров с кем спит, кто где отдыхает, кто сколько денег накопил — прекрасные темы на все случаи жизни. А если по существу? О том, что же вокруг происходит? Тогда на вас посмотрят моментальным железно-каменным взглядом и отойдут в сторону, как от совершенно невоспитанного и бестактного человека.

Предлагаю и научный термин для этого нового общественного образца — **«постперестроечный неопозитивизм»**. Часто слышу в адрес тех или иных людей следующие слова: «Нет, Вы ответьте мне, неужели Вы не понимаете, что все идет к лучшему?! Неужели Вам, с Вашим-то образованием и кругозором, это непонятно? Вы что, обратно в коммунизм хотите? Вы, собственно говоря, кто такой? Откуда у Вас такая общественная слепота? Все вокруг постепенно выправляется, становится на рельсы. Надо быть позитивно настроенным, больше работать, искать в себе деловой настрой. Вам все ясно? Тогда идите и думайте». И еще: «Ну и что, что экономика и культура трагически деградировали? Это еще вопрос. Национальные гражданские войны по всем границам? Это не существенно! Зато наше общество выходит на магистральный путь общемирового прогресса цивилизации. К тому же нам надо заплатить дань истории за совершенные другими поколениями ошибки. Неужто непонятно? И потом Россия выживет в любом случае. Почему так? Потому, что она Россия. Она вечна, неуничтожима. Я верю в русский народ!»

Я тоже верю в русский народ. Но в отличие от наших «неопозитивистов», мне хотелось бы подкрепить свою веру хоть толикой реальных, объективных и разумных доводов. А их нет. Есть только надменные заклинания.

Язык российских постперестроечных неопозитивистов бывает различным, в зависимости от индивидуальности говорящего. Иной раз его лексический запас исчерпывается несколькими десятками косноязычных выражений, в других случаях бесконечно льется сладкоголосая интеллигентская речь, пресыпанная англицизмами и псевдонаучной терминологией. Но и в том, и в другом случае «сухой остаток», информативность, разумность, рассудительность, в конце концов, практически отсутствуют. Мне кажется, причина этого состоит в том, что «неопозитивисты» совершенно не представляют себе слушающих их людей именно как **людей**. «Неопозитивисты» постоянно мыслят категориями всеобщего: «население», «аудитория», «социальная группа», «общественный слой». Причем, это для них не язык общения в среде специалистов-ученых (что можно было бы еще понять), а самовыражение их взгляда на мир как таковой. Действительно, глобализироваться так глобализироваться! Что на это можно возразить?

Сколько ни ищи в текстах российских «неопозитивистов» двух простых понятий — «человек» и «культура» — их не найдешь. Отчего так получается, не знаю. Впрочем догадываюсь...

Примечательная деталь. Интонация, с которой произносятся глобалистические заклинания. Существует два варианта.

Либо это «булькающее» внутри неопозитивиста возмущение от того, как можно не понимать совершенно элементарных и совершенно самоочевидных вещей, ясных для любого нормального человека. Именно «нормального». На этом всегда делается упор. Мол, «все нормальные» люди должны делать «вот так». И если так не делать, то есть мыслить несколько по-другому, то это уже за пределами всего возможного. Причем это булькающее возмущение растет и перекипает — по преимуществу через край простой традиционной логики. Доводы теряются, аргументы не приводятся, но зато кипящее возмущение от того, что приходится иметь дело с таким непонятливым, а то и злонамеренным собеседником захлестывает говорящего. Поэтому спокойные дискуссии, взаимоуважительный обмен мнениями в наше предельно идеологизированное время практически отсутствует.

Есть, однако, и вторая интонация — презрительная, с усмешкой, с пренебрежением, с подчеркнутым обсуждением погоды и кулинарного искусства вместо беседы по существу («о чем вообще с вами можно говорить?») Эта интонация естественным образом переплетается с первой. Вернее, вступает, как правило первая, а завершает все вторая.

Итог, причем один и тот же. Эмоции преобладают над доводами. А расхожий метод маркировки людей на «своих» и «чужих» доводит всю ситуацию до коммуникативного тупика.

Феодализм с мордой лица

И еще один теоретический вопрос, чисто социологический.

Помнится, все мы в России в предыдущую эпоху бойко учили на уроках советского марксизма, что некоторые отдельно взятые страны могут переходить от феодализма, минуя капитализм, прямо к социализму. Была такая расхожая концепция. Кто не помнит!

Однако вопрос мой в следующем: можно ли, переходя от постперестроечного развала к глобальной постмодернистской цивилизации, очутиться при этом в феодализме? Тема принципиальная. Поясню.

То, что происходит в наши дни в России сильно напоминает установление «нового-старого» феодального строя. Например, широко разрекламированная приватизация (это целая философия, а не только экономическая новация), в частности, привела к тому, что во всех приватизированных структурах укрепилось всевластие «сеньоров», или «баронов». Это — руководители, а теперь уже и владельцы всяческих структур. Круг их очень узок, как правило руководитель и несколько его особенно ретивых подручных. «Сеньоры» имеют фантастические доходы, даже по американским меркам, и стиль их жизни ничем существенным не отличается от стиля жизни американского миллионера-собственника. Разве что у российского существенно поменьше культуры и побольше наглости, нахрапистости. Но по всему — по своим взглядам, своей «философии», поведению, восприятию жизни — российские «сеньоры» вполне глобализировались. Мыслят они категориями всеобщего, философствуют с экранов и со страниц газет от лица всего человечества, рисуют будущее широкими мазками без проработки «незначущих» деталей, все предельно интернационализировались, весь мир для них одна большая зона.

Любопытно получается. Приватизацию «продавали» нам как средство демократизации общества, которое будет «вентилировать» все общественные структуры, расставляя всех по причитающимся им местам согласно реальному вкладу в благоденствие всего общества. Звучало это привлекательно, хотя многие обстоятельства не детализировались, а все шло общим планом, с эмоциональным напором и блеском в глазах — точно как во времена Павла Корчагина. Но на поверку вызвала на свет эта самая «приватизация по-русски» не что иное, как феодализацию общества. Такой вот странный исторический казус.

(Хочу сразу же сказать, что термин «феодализм» я употребляю в широком, образном звучании, ибо понимаю, что в строгом историческом и социологическом контексте его использование требует слишком длительного обсуждения.)

Но если все же вести речь о феодализме, как в таком случае насчет «вассалов»? Их, как и положено по учебникам истории средних веков, много. Они безропотно тянут свою ляжку, собственно и делая основную работу. Получают, быть может, чуть-чуть больше, чем работники неприватизированных структур. Но ни о каком «скачке» в новую жизнь, в светлое будущее общечеловеческой глобализации они уже и не мыслят. Прежде всего потому, что они зависимы от «сеньоров» той самой, «внеэкономической» зависимостью, о которой мы также слышаны из учебников истории и политэкономии. Ведь до сих пор ни в одной сфере общественной занятости у нас нет и не намечается действительно свободного рынка труда. Какое там! Как при раннем феодализме крестьяне были намертво закреплены за землей и землевладельцем (прежде крепостным правом это называлось), так и ныне все работники закреплены за своими сеньорами по причине того, что выбора фактически никакого нет. Нет свободного и честного конкурсного найма на работу, сознательно не распространяется информация о свободных вакансиях, и вообще ныне главное состоит не в том, чтобы хорошо и продуктивно работать, а в том, чтобы уметь не задавать «лишние» вопросы и ловить момент, когда он обозначается. Нет и системы права и главенства закона. (Даже смешно об этом ставить вопрос.) По-прежнему все устраивается по знакомству, по родственным связям и линиям прямого и косвенного наследования чинов, привилегий, должностей.

А как же вертикальная мобильность — извечный спутник демократии? (Проще, свободное восходящее и нисходящее движение карьер согласно заслугам и продуктивности труда.) Чепуха! словно траектории ракет возносятся ежедневно сомнительные карьеры деятелей с подмоченной репутацией. Причем создается впечатление, что чем «подмоченнее», тем надежнее идет движение по вертикали. Тот, кто быстрее и энергичнее избавляется от всех и всяческих нравственных ценностей, тот и ведет игру. Не это ли «Великий Отказ», о котором речь шла выше? Не это ли пропуск в когорту «сеньоров» и глобализацию?

Но стоит так или иначе проникнуть в круг владельцев, собственников, распределителей-управителей, «мобильность» тут же на этом и заканчивается — путь вниз не преду-

смачивается. Точно так же, как и в приснопамятные годы брежневского застоя, проникший в элиту (неважно какого уровня) был гарантирован от падения. По-моему, тоже что-то из феодального далека.

Так что дрожи, вассал, за свое место и низко кланяйся господину, когда он на белом коне (то бишь «мерседесе») пронесется мимо тебя. А не то тебя в два счета выбросят с волчьим билетом на близлежащую помойку, которых расплодилось повсюду, как никогда, видимо-невидимо.

Это не отдельные наблюдения, а общая принципиальная схема, утвердившаяся в России и демонстрирующая себя — открыто, глумливо-жестко — от ничтожнейшей приватизированной конторы до неизвестно каких высот (страшно даже подумать о них, а уж тем более назвать). И так, добро пожаловать в феодализм с постмодернистским лицом!

«Разделенный дом выстоять не может...» Не мне принадлежат эти слова. Но не повторять их сейчас просто не могу.

Все хорошо, прекрасные маркизы!

Обо всем этом я вольно или невольно думал, слушая на конгрессе один блестящий доклад о глобализации за другим. В середине одного из самых заметных выступлений, собравшего всех участников конгресса, из верхних рядов зала вниз по проходу стал спускаться некий господин.

Примечательно, что господин этот был обнажен по пояс. Впрочем, погода стояла июльская, жаркая, атмосфера на конгрессе — свободная, университетская, взгляды — либеральные; так что мало кто на это обратил внимание. Однако по мере приближения господина к подиуму уже многие заметили, что обнажен он был не только по поясу, но и существенно ниже — до носков.

Прекрасной походкой опытного нудиста-культуриста господин словно «проплыл», прогарцевал до трибуны и остановился визави докладчика, продолжавшего свой доклад.

Продемонстрировав по отдельности правой и левой части зала совершенства своей физической конституции, «обнаженец» разыграл двухминутное безмолвное действие, описание которого, право, выходит за рамки данной статьи. Затем господин в столь же благородной манере «проплыл» сквозь грандиозно-роскошную композицию из живых цветов и исчез за сценой.

Истинно постмодернистский хэппенинг!

На все это докладчик (а был это не кто-нибудь, а сам Алэн Турен) не реагировал никоим образом. «Все-таки эти "западники" обладают великолепной выдержкой!» — подумал я. Только в самый последний момент, когда господин выплывал из зала, Турен, не меняя интонации доклада и не поднимая глаз от текста, произнес: «Спасибо. Очень мило. Просто замечательно».

Ну, что ж. Скажу и я те же слова, но по несколько иному поводу. «Очень мило». В самом деле, все просто замечательно. Не так ли?